

Некоторые до сих пор не могут смириться с тем, что на сыне талантливых, известных всей стране родителей природа решила не отдыхать, а, напротив, наградила его ярчайшим талантом, энергией, обаянием и актерской искренностью. Арсенал Михаила Ефремова — разум и открытый нерв. Он еще молод, но успел стать художественным руководителем "Современника 2", сыграть на сцене Треплева, Чацкого и Самозванца, в кино — Дубровского, поставить на сцене чеховского МХАТа несколько спектаклей, привлечших серьезное внимание критики и зрителей. Сегодня Михаил Олегович Ефремов — гость "Вечернего клуба".

**Михаил
ЕФРЕМОВ:**

"Когда-то я хотел стать маршалом Гречко"

— Вы из театральной семьи; наверное, мыслей об иной профессии и не было?

— Отчего же? Когда-то я хотел стать министром обороны, Маршалом Советского Союза Гречко. Мне нравилось, как он разъезжает, стоя в машине, вдоль шеренг: "Здравствуйте, товарищи такие-то, поздравляю вас с праздником", а ему отвечают: "Ура-а-а!" Мне казалось, что в этом заключается основная работа Гречко, и я мечтал им стать. После, как у всех детей, была мысль стать таксистом. Но постепенно выбор профессии стал для меня продолжением жизни в семье, скажу без ложной скромности, гениальных актеров папы и мамы, гениального режиссера — папы, гениального педагога — мамы и гениальных режиссеров дедушки и бабушки.

— Кто из них оказал на вас особое влияние?

— Отнюдь не гениальные театральные деятели, а юрист (в этом я схож с Жириновским, только у меня не папа юрист, а дедушка Николай Иванович — в честь него я назвал своего второго сына). И бабушка, Анна Дмитриевна, домохозяйка.

— Традиционный вопрос: легко ли Ефремову быть сыном Ефремова?

— Я понимаю, к чему этот вопрос. Возьмем, к примеру, человека, у которого синее ухо. Если ему с детства говорят: "У тебя синее ухо, ты себя нормально чувствуешь?", то к тридцати годам ему уже все равно, какое у него ухо, он привык. Так и я привык к тому, что я сын Олега Ефремова. Может, в 16 лет человек с синим ухом испытывает комплексы по поводу того, как же его девушки будут любить. Вот и я думал: как же сын Ефремова сможет стать артистом? Но потом понял, есть лучше меня, но есть и хуже, а среди худших я не самый плохой, а разве что самый "блатной". Отца уважал и уважаю и как актера, и как человека. Позвольте повторить слова Константина Райкина: "Ну я могу пробовать на сцене как сын Райкина минуту, вторую, третью, а дальше я уже должен предьявить что-то сам, иначе зритель уйдет".

Да, наверное, половина зрителей из ста приходит в театр посмотреть на меня как на сына Ефремова, который набрался наглости выходить на сцену, не имея на это никаких прав, кроме родственных. Не знаю, должны ли

существовать актерские династии и династии вообще: из истории известно, что многие династии плохо кончили.

— Какой спектакль отца произвел на вас наиболее сильное впечатление?

— МХАТовский спектакль 70-х "Утиная охота". Этот спектакль был не принят большинством нашей театральной "тусовки". Для меня же он одно из важнейших художественных потрясений в моей театральной жизни. И многие взрослые люди, к мнению которых я прислушиваюсь, не во всем, но все же солидарны со мной в оценке этого спектакля. Кстати, с "Утиной охотой" связан забавный случай! Я играл в нем мальчика, который приносил Зилову похоронный венок. Однажды выхожу на сцену и спрашиваю отца (он играл Зилова, лежал на раскладушке): "Вы Зилов?" И вдруг понимаю, что мой папа либо умер, либо ему совсем плохо. Я испугался, но вот что значит театральный ребенок: мысль была, как бы тихонечко предупредить помрежа дать занавес и оказать отцу какую-то помощь. Вдруг папа очнулся и стал играть. Шепнул мне: "Текст мог бы и погромче говорить"... Я знаю, чего стоил отцу этот спектакль, сколько его не разрешали, сколько замечаний было высказано министерскими и партийными шийсками.

— Кто в вас сильнее, актер или режиссер?

— Олег Николаевич считает меня актером, который пытается заниматься режиссурой. В "Современнике 2" меня считали режиссером, занимающимся актерством. По-моему, то и другое неверно. В понедельник, среду и пятницу я актер, во вторник, четверг и субботу — режиссер, а в воскресенье я ем. И какой я режиссер или актер, спрашивать надо не у меня. Работать со мной тяжело — хам, циник, могу унижить, могу похвалить, а потом ударить, затем поцеловать, встать на колени...

— Наверное, сложно быть молодым режиссером в таком мощном театре, как МХАТ?

— Не просто. Хотя по поводу мощности театра могу поспорить. Есть театры с более мощным информационным полем. У МХАТа мощная стратегия развития, но в принципе это просто большой театр. Когда делал первую постановку, вторую, ничто меня не отвлекало. Но настал момент остановиться и оглянуться, и я вдруг почувствовал... Ясно, ни один теат-

рал не признается, что участвует в интригах. Все-таки театр — в определенном смысле мир, а актеры — какие-никакие, но люди. Поэтому, с одной стороны, работать во МХАТе тяжело, но с другой — легко: театр большой, в нем можно найти свою нишу и сидеть в ней спокойно.

— Во МХАТе вы поставили дилогию — "Урок женам" и "Урок мужьям", два отдельных спектакля. Почему именно Мольер?

— Потому. А почему мы любим женщин? Или футбол? Со "Школой жен" вообще сложно получилось — не все поняли, что это не комедия. На спектакль приходят похотать: "Мишка Ефремов, он же капуста делает". А мне хотелось поставить трагикомедию с акцентом на "траги". Комедию поставил после: "Урок мужьям".

— Михаил, какая роль отняла у вас максимум сил?

— Освальд в спектакле "Привидения", поставленном на сцене "Современника" Иосифом Райхельгаузом... Но я не понимаю, хорошо или плохо, вообще не понимаю, как я играю Треплева в "Чайке". Может, после пойму, что это было счастье, но сейчас не могу это осознать и уж тем более не могу сказать, что играю себя. С другими ролями как-то яснее. А после "Чайки" такие мысли: "Сегодня, по-моему, лажа. Нет, не лажа. Нет, лажа. А почему? Что было плохого? Ничего. А что было хорошего? Ничего!"

— А что для вас роль Чацкого?

— Конечно, сыграв в Художественном театре Чацкого, я как бы вошел в историю. Но, честно говоря, не понимаю всего того, чего хотел в этом спектакле Ефремов. Поскольку считаю себя актером — сочинителем роли, а не актером-исполнителем, мне несколько тяжело выразить его замысел. Умом вроде понимаю, но... В целом же я — "за" этот спектакль и безумно благодарен, помимо Ефремова, распределившего меня на эту роль, Анне Николаевне Петровой, которая работала с нами над стихом. Она сказала, что пьеса в стихах подразумевает особое самочувствие, и помогла мне найти его... Вообще же я очень сложно отношусь к своему исполнению роли Чацкого.

— Вы считаете свою жизнь счастливой?

— Не могу сказать, что счастлив в бытовой жизни, поскольку генетически не умею заниматься бизнесом. Семейное предание: моя бабушка, пойдя на базар, решила впервые поторговаться. Спросила, в какую цену пучок редиски. "Двадцать пять копеек, дамочка". Она мгновенно подумала и с вызовом сказала: "А три за рубль пойдет?" Так что с бытом, с деньгами и тому подобным у меня по-разному. Но с голоду не пухну. У меня жизнь плавно переходит в работу, а работа в жизнь.

— А почему вы стали вдруг работать еще и в театре "Школа современной пьесы"?

— Райхельгауз предложил роль в пьесе Николая Климонтовича "Без зеркал". С Иосифом Леонидовичем мне работать легко, он разговаривает со мной на равных, это при моей-то наглости, за что спасибо ему огромное. Но главное во всей затее — партнеры. Работа с Ольгой Яковлевой, Альбертом Филозовым, Владимиром Качаном — огромная жила. Проще — это везуха. Может, и театр правильнее было назвать: "Везуха современной пьесы".

— Как складываются ваши отношения с кино?

— Знаю, что есть не так уж мало хороших фильмов, чтобы говорить о кризисе кино. Есть хорошие молодые кинорежиссеры. Сам же я стану кинорежиссером, лишь когда моя наглость достигнет гомерических размеров. Я не закончил ВГИК, не знаю кино как профессионал.

— Ваша жена, Евгения Добровольская, работает с вами в одном театре, это нормально?

— Это хорошо. Во-первых, она всегда у меня на виду, и я всегда на виду у нее. Во-вторых, мне это хорошо как режиссеру, поскольку Женю я считаю одной из лучших актрис. Во многих спектаклях мы партнерствуем. С Женей у нас взаимоотношения не хорошие, не плохие, они у нас страстные до жути.

— Вы человек домашний?

— Семейный. Хотя из-за моей непоседливости жена с убийственным сарказмом называет меня "общественным деятелем". Для детей иногда я пытаюсь быть грозным отцом, но это невозможно: они у меня смешные и трогательные.

Гостя принимала
Наталья ЗАХАРЬЯТ.

На снимке: Михаил Ефремов (на переднем плане) и Вячеслав Невинный.

Фото ИТАР-ТАСС.